

СОХА И МОЛОТ

Вся власть Крестьянам и Рабочим в лице их Советов.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Членами Армейского Совета на пленарном заседании от 22 Октября по вопросу о взятии на учет милиционного персонала, проживающего в г. Минусинске. ПОСТАНОВЛЕНИЕ: объявить мобилизацию фельдшеров и сестер милосердия, не считая возраста. Все мобилизуемые должны явиться в мобилизационный отдел Армейского Совета не позже 28 октября сего года.

Мобилизационный Отдел Брестянской Армии.

От Редакции газеты «Соха и Молот.»

Сим объявляется, что все присылаемые в Редакцию рукописи, должны быть написаны разборчиво и на одной стороне листа. Кроме того, прилагающий в редакцию рукописи должен обязательно сообщать свою фамилию и адрес. Присланные без соблюдения указанных условий рукописи помещаться в газете не будут.

Редакция

Неизвестно-ли кому из граждан города Минусинска, или уезда, о наложенном Военно-Полевым Судом наказании, на инородца Семена Чачиева. Семен Чачиев, обвинялся Военно-Полевым Судом 13-го Декабря 1918 года, как мятежник при Крестьянском восстании, и дело по его обвинению, согласно наложенной резолюции за № 34, приведено в исполнение 14 Декабря 1918 г. Если кто знает упомянутое, то сообщит Военно-Следственной Комиссии, находящейся в городе Минусинске, по Ново-Прикутневской улице, в доме Иванова.

По постановлению общего медицинского собрания от 10-23-го сего октября мобилизуются все врачи занятой нами территории, которые должны явиться в г. Минусинск, Армейский совет, в Мобилизационный Отдел не позже 30 октября с. г. для регистрации и зачисления в учет.

Условьявшиеся от мобилизации будут отвечать пред Армейским Советом. 26 октября 1919 г. № 139.

Медико-Санитарный Отдел. Объединенного Уездного Совета кр., раб. и арм. депутатов приглашает служащих на должность секретаря и пице. Отдел помещается в д. Мельникова, на Субботней площади.

3-1

В четверг, 30 октября, Украинским Обществом любителей сценического искусства дан будет благотворительный спектакль в пользу Крестьянской Армии поставлено будет Наталка полтавка.

После спектакля танцы до двух часов ночи.

Они и мы.

После свержения Советской власти буржуазия праздновала. Все что только было причастно к советам, сидел в тюрьме или скрывался, а главари расстреливались. Казалось, что теперь уже метить некому.

Но буржуазия не изменилась и осталась такою же, какой она была и после французской революции. Тогда она за час свободы потопила в крови весь трудящийся класс и долго метила самым ужасным способом. Так она поступила и в настоящее время. Рабочих выбрасывали на улицу по первому доносу и сажали в тюрьму. Оставшимся после убитых советских работников вдовам и сиротам отказывалось даже в квартире. Арестованные по дороге в тюрьму избивались, хотя при свержении власти гарантировали полную свободу всем, кто добровольно сложит оружие. По дерев-

ням были посланы карательные отряды и начались расправы. Обманутый народ возстал, но отряды повстанцев, лишеныые оружия, были разбиты и бежали по домам.

Тут буржуазия потеряла великую меру и начала творить ужасы, от которых волосы дыбом становились и о которых даже дома в семействе боялись громко говорить и тихо только перешептывались.

Около Минусинска, за протокой, выкопали большую яму и всех пойманных крестьян подводят и не смотря на плач и стоны, без суда и следствия раздевают и расстреливают. Яма большая и вместит очень много. Некоторые в яме еще живы, их передергивает в агонии, а новые опять подходят. Один из расстрелянных долежав до ночи, не смотря на ноябрьский мороз, босиком раздетый добежал до дер. Быстрой и просил скрыть его.

На колевах, рыдая, как ребенок, умолял крестьян спасти ему жизнь не выдавать его палачам казакам... Ноги и руки были у него отморожены. Самые суровые законы, какие только когда либо существовали, не допускали вторичного расстрела; и крестьяне дер. Быстрой, надеясь на это и при том опасаясь, казацких расправ, выдали этого несчастного властям. И что же? Власть его расстреляла второй раз...

В деревне сын старика после восстания бежал в тайгу. Младший был хороший, вся деревня об этом знала. Приехали казаки Выпоров десят человек шомполами на сборне, расстреляв несколько человек, потребовали отца—старика.

—Где он, или к стенке становись. —В тайгу ушел—ответил старик. —Собирайся с нами!—поехали искать. Всю дорогу били старика нагайками постукивая время от времени прикладами. Сына нашли в таежной избушке и, подстрелив его, бросили тут же, и р и к а з а в старика давить его. И он его давил, хотя он у него был единственный.

Вот приехали в Салбинское, расстреляли 16 человек, приказав некоторым из них бежать, чтобы получилось впечатление хорошей охоты.

Вот в Бейском лежат около домов замороженные убитые с распостертым руками, как бы умоляя Небо и Бога о пощаде. Их дома хоронить боялся.

Но этого буржуазии еще мало. Тюрьмы набиты арестованными, за которыми нельзя признать никакой виновности даже по их законности. Чтобы выйти из положения, власть объявляет их заложниками и расстреливает без суда и следствия. В Канском уезде убили крестьяне чехо-словака—за это расстреливается 20 заложников в Красноярской тюрьме. Около тюрьмы валяются жены расстрелянных, рыдая вместе с ребятами сиротами...

В Минусинске, в доме Савельева сидят приговоренные к смерти мужики. Один из них подходит к стоявшему на часах знакомому ему приказчику, рыдая спрашивает, за что его хотят расстрелять. Часовой не вытерпел заплакал и предложил мужику бежать, когда он его поведет за чаем. —Куда же я побегу? Ведь везде найдут Ты лучше мне скажи за что хотят меня расстрелять. Похлопочи, я ведь старик и ни в чем не виноват, клянусь Богом! На другой день старика расстреляли, вместе с другими приказав им предва-

рительно выкопать яму для себя. После прохода отряда Щетинкина в Канский уезд вывешиваются объявления-приказы, что все деревни оказавшие какую либо помощь этому отряду, будут уничтожены до основания, не исключая женщин и детей. Этот же приказ исполняется в Стекло Бажейском и окружающих деревнях, а также в Ужуре и в др. местах.

В Етсейск 200 человек, ни в чем неповинного мирного населения, заточены в прорубь.

В Красноярке мобилизованных солдат расстреливают через два в третий за то что они посмели указать, что чехо-словаки пользуются всем и свободой и доверием и хорошей пищей, и не отпрываются на фронт, а они мобилизованные сидят в казарме на плохой пище, лишены всякого доверия, хотя завтра должны идти на фронт.

Но все это не помогает и местами опять вспыхивают восстания. Наконец, власть объявляет всех крестьян большевиками и не допускает их даже в войска, усилив в то же время расправы в деревнях.

Убивая безошадно крестьян в деревнях, писали в тоже время о зверствах большевиков в таких красках, что крестьяне на самом деле думали, что большевики это звери, забыв, что власть давно их самих считала большевиками. Некоторых из крестьян теперь уже убедились в том какая цена этим писателям, особенно после прохода отрядов в Белоцарск, когда в газетах писали, что все те деревни, где прошли эти отряды разграблены, дети убиты, а женщины изнасилованы; хотя ничего не было тронут. За то после прохода Крест. Армии карательным отрядом было расстреляно в Огровках 4 чел. Салбе 4 Детловой 5. Шалаболинском 15 и т.д.

Ничего удивительного, что даже сами большевики после этих ужасов боялись, что крестьяне, ворвавшись в город, камня на камне не оставят и никого из причастных к власти не помилуют и могут пойти по пути буржуазных расправ. Но случилось наоборот: Эти „звери“ отнеслись ко всем очень снисходительно и никаких расправ мы не видим. Единственное, в чем можем их упрекнуть, так только в том, что находясь уже в городе, в пьяном виде сломали несколько граммофонов и выбили у себя на квартире несколько стекол в окнах. Но все это присуще русскому мужику и после казацких расправ никакого значения не имеет. Они пошли еще дальше и немилосердно даже своих палачей—казаков, вернувшихся с имуществами, как только они явились с повинной в Минусинск.

Эти факты ясно свидетельствуют о том, на сколько простой народ выше и лучше этих интеллигентов из семейств купцов и казаков. Ему чужда та жестокость, какую проявила буржуазия по отношению к нему. Он действительно, оправдал те лозунги, которые выписаны на его знаменах и даже в услужении ничем их не замарал. Если мы и видим некоторую грубость со стороны товарищей солдат, то во всяком случае эта грубость при отсутствии жестокости говорит в их пользу. Надо помнить, что это люди, оторванные от плуга, и деликатностью при всей своей доброте никакой не обладают. Душа у них проста и открыта. Пусть же те, кто так часто жалуется на их грубость и неумение себя держать,

